

*Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого
(из неопубликованных материалов П. А. Кулиша)*

Долгое время мировоззрение Гоголя принято было объяснять совокупностью всевозможных влияний. Н. Г. Чернышевский, например, заявлял, что Гоголь попросту «читал не те книги, какие нужно было <...> читать»¹. Последующие исследователи и критики заявляли, что и встречался Гоголь не с теми людьми, с какими следовало ему встречаться. Один из этих исследователей писал: «Круг людей, которые оказывали на Гоголя влияние, добиваясь изменения его общественных взглядов, включал в себя многих лиц. Сюда входили М. Погодин, С. Шевырев, С. Аксаков, К. Аксаков, поэт Н. Языков, граф А. П. Толстой, будущий обер-прокурор Синода, и др.»². Вот на этих людей и возложило советское литературоведение «вину» за якобы изменившееся мировоззрение Гоголя. Дело обставлялось примерно так: славянофильскими взглядами Гоголь обязан сближению с Аксаковыми, христианскими — графу Александру Петровичу Толстому и отцу Матфею Константиновскому, монархическими — В. А. Жуковскому, графам Виельгорским, А. О. Смирновой и т. д.

В отношении славянофильских взглядов Гоголя следует сказать, что в настоящее время только некомпетентностью исследователя может объясняться приписывание их влиянию Аксаковых. Достаточно упомянуть о том, что до нас дошло девятнадцать набросков обширного незавершенного очерка Гоголя о славянах, относящиеся к самому началу его литературной деятельности³. Протопресвитер профессор В. В. Зеньковский, автор двухтомной «Истории русской философии», более полувека посвятивший изучению гоголевского наследия, не случайно именно Гоголя — не Аксакова, не Хомякова и не Шевырева, — называл «зачинателем» славянофильского течения русской мысли⁴.

Если же говорить о влиянии на Гоголя славянофильства, то относится это влияние к самым начальным годам формирования гоголевского мировоззрения, а именно ко времени пребывания будущего писателя в нежинской Гимназии высших наук. Искать это влияние следует в устных беседах и сочинениях одного из гоголевских наставников в Нежине — директора гимназии Ивана Семеновича Орлая. Уроженец Карпатской Руси Орлай самой своей судьбой, своей болью об отторжении части русского народа оказал влияние на юного Гоголя. Исследователи уже не раз отмечали, именно мысли Орлая о единстве славянских земель и о губительности междоусобных раздоров отразились в содержании гоголевских повестей «Страшная месть»⁵ и «Тарас Бульба»⁶.

В этом свете только и становится понятным, почему вместо того, чтобы дружить с западником Белинским, Гоголь предпочитал общество славянофилов — Аксаковых, Хомякова, Языкова, Шевырева, Погодина. Потому-то союзу с Белинским Гоголь предпочел в 1834 г. публикации в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и сотрудничество с С. С. Уваровым⁷.

Сомневаться ныне в неизменности монархических убеждений Гоголя — на протяжении всего его творческого пути — также не приходится⁸.

Сложнее обстоит дело с предполагаемым влиянием на Гоголя в духовном отношении графа Александра Петровича Толстого. Именно на графа Толстого чаще всего возлагали марксистские исследователи «вину» за религиозность Гоголя. Судя по переписке Гоголя с Толстым, последний был постоянным собеседником писателя по конфессиональным вопросам. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» графу Толстому Гоголем адресованы такие письма, как «III. Значение болезней», «VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве», «IX. О том же», «XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «XIX. Нужно любить Россию», «XX. Нужно проездиться по России», «XXVIII. Занимающему важное место». Позднее, в 1856–1862 гг., граф Толстой занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода. В 1857 г. святитель Игнатий (Брянчанинов), в ту пору настоятель Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, писал о графе Толстом: «...Он весьма благонамерен и к Церкви весьма расположен, почему и ожидают от него всего доброго, особенно когда он по привычке к делам»⁹.

Имея в виду этот позднейший высокий церковный авторитет графа А. П. Толстого и исходя из пресловутой концепции «двух Гоголей» — «вольномышленного» раннего и якобы «изменившего» своим прежним взглядам позднего, упомянутые исследователи полагали, что именно влиянием графа Толстого обуславливается «перелом» в мировоззрении Гоголя и обращение его к вере и Церкви, случившееся, по мнению этих исследователей, лишь в середине 40-х гг. «Гоголь жил в доме А. П. Толстого и подвергался постоянному воздействию этого сильного волей мрачного фанатика», — заявлял С. И. Машинский¹⁰. «...В начале 1845 года в Париже Толстой пытался "обратить в православие" ... Гоголя»¹¹, — утверждала А. Н. Бельшева.

Мнения о чрезвычайном влиянии графа А. П. Толстого на Гоголя в религиозном, духовном отношении придерживались не только те исследователи, которые приписывали Гоголю «перелом» в его мировоззрении. Свидетельство о «пагубном» влиянии Толстого на Гоголя вовсе не является изобретением советской эпохи, но представляет собой суждение одного из авторитетнейших гоголевских биографов. Свидетельство это принадлежит Сергею Тимофеевичу Аксакову, который был и современником, и одним из самых ближайших друзей Гоголя. Вот что писал С. Т. Аксаков по поводу завязавшейся в первой половине 1840-х гг. дружбы Гоголя с графом Толстым: «В это время сошелся он с гр<афом> А. П. Толстым, и я считаю это знакомство решительно губительным для Гоголя»¹²; «Я <...> приписываю нравственное состояние Гоголя пребыванию его в доме Толстых. Попы, монахи с их изуверными приказаниями, ханжество, богомольство и мистицизм составляли его атмосферу...»¹³.

Проблема, таким образом, оказывается сложнее, чем это представляется на первый взгляд. Конечно, заключается она прежде всего в том, что многие свидетельства о Гоголе современников до сих пор воспринимаются некритически, без серьезной проверки. Несмотря на глубокое уважение к С. Т. Аксакову как к мыслителю, писателю, человеку, несмотря на весь заслуженный его авторитет как наиболее адекватного и внимательного биографа Гоголя, следует со всей определенностью сказать, что в вопросе о влиянии на Гоголя графа Тол-

стого Аксаков, несомненно, ошибался, что его слова о «религиозном направлении» Гоголя как предельно известного «Толстого» давали «некоторые».

Очевидно, что свое мнение о влиянии на Гоголя графа Толстого Аксаков высказал не без некоторой ревности, сознавая большую близость к Гоголю дома Толстых, чем аксаковского семейства, — по крайней мере, в последние годы жизни писателя.

Обычно состав гоголевского окружения, тех современников, которые так или иначе охватывались кругом знакомств Гоголя, представляется состоящим из двух половин: друзей и противников писателя. Однако и в числе друзей Гоголя не было единодушия. Шевырев ссорился с Погодиным, Погодин говорил об Аксаковых, что, глядя на них, он «испытывается злобою против невежества и барства»¹⁴. Аксаков в свою очередь недолюбливал Толстого.

В характер же взаимоотношений Гоголя с графом Толстым Аксаков, очевидно, не был посвящен. Об этом и свидетельствуют неопубликованные архивные материалы, сохранившиеся среди бумаг первого биографа Гоголя П. А. Кулиша. Эти материалы были лишь частично использованы Кулишом в его «Записках о жизни Н. В. Гоголя...». Речь пойдет о сделанных Кулишом выписках из писем самого графа Толстого к Гоголю 1844–1845 гг.

Публикация писем к Гоголю началась в 1850-х гг. именно с работ П. А. Кулиша. Однако некоторые из встречающихся в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиша эпистолярных отрывков до сих пор не были атрибутированы. Так обстоит дело и с указанными фрагментами из писем Толстого.

Всего П. А. Кулиш располагал двадцатью пятью письмами графа А. П. Толстого к Гоголю, которые были обнаружены биографом в гоголевском «чимодане с немецчины», переданном Кулишу родными писателя. Из этих писем Кулишом в «Записках...» были частично использованы лишь выписки из трех писем: от 6 ноября 1844 г., от 12 декабря 1844 г. и от 27 мая 1845 г.¹⁵ Однако полное отсутствие в книге каких-либо указаний на авторство этих писем («Записки...» были изданы еще при жизни графа Толстого) никак не позволяло использовать их для характеристики взаимоотношений Гоголя и Толстого.

Как позволяет судить содержание сделанных П. А. Кулишом выписок¹⁶, не Гоголь графу Толстому, но, напротив, граф Толстой Гоголю был многим обязан в своем духовном образовании.

Сохранились выписки Кулиша из пяти писем графа Толстого. В письме от 12 декабря (н. ст.) 1844 г. из Парижа Толстой сообщает Гоголю: «Я, по вашим советам, читаю Подраж<ание> И<исусу> Х<ристу> <Фомы Кемпийского> и буду постоянно продолжать, хотя не подается мне живой молитвы». (Как известно, читать книгу Фомы Кемпийского Гоголь советовал многим из своих друзей, начиная от Александра Иванова, кончая Шевыревым, Погодиным и тем же Аксаковым. Но если Аксаков с возмущением встретил предложение Гоголя взяться за чтение духовной литературы, то Толстой, очевидно, принял это с благодарностью.)

В следующем письме к Гоголю из Парижа от 19 марта 1845 г. граф Толстой признается: «...говенье, между прочим, никому из нас не удастся: без вашего посредства никто не умеет к священному подступиться. ... порядочные

минуты я с женою или один читаю. Духовное еще не очень, увы, совсем даже не действует на меня».

В письме из Парижа от 27 мая 1845 г. Толстой замечает: «Между тем попал случайно на старинную французскую книгу *Eloquence des auteurs sacrés* <Красноречие священных писателей (*фр.*)>, в которой многое как будто нарочно для моего положения написано; но, увы, никакие слова, самые сильные, не проникают в глубину прескверной моей души».

В письме из Остенде от 20 сентября 1845 г. Толстой замечает: «Как вы без моря, так я без вас: очень грустно и скучно и пусто».

Своеобразным отчетом перед Гоголем в духовном образовании является и письмо графа Толстого от 6 ноября 1844 г. из Парижа. Здесь впервые граф Толстой затрагивает те вопросы — а именно конфессиональные вопросы, которые станут постоянным предметом обсуждения с Гоголем: «Я здесь прочел *Le Pape* Мейстера¹⁷ и еще любопытнейшую для нас жизнь *Фотия*, <патриарха Константинопольского>, писанную римским католиком, с письмами Фотия и рассуждением о происхождении Духа Святаго. ...<письмо> контр-Адмирала Путятин, очень верующего и более или менее разделяющего ваши мысли о будущей судьбе христианских народов».

Очевидно, что в этот период граф Толстой в его духовном развитии находился еще в роли гоголевского ученика. Характерно, в частности, его выражение в последнем письме о том, что автор прочитанного им письма, контр-адмирал граф Е. В. Путятин, разделяет мысли Гоголя («ваши мысли», по словам Толстого) «о будущей судьбе христианских народов».

Итак, «без <...> посредства» Гоголя, — как замечает Толстой в одном из публикуемых писем, — «никто не умеет к священному подступиться». — Говорить об обратном влиянии в этом отношении Толстого на Гоголя, несомненно, ошибочно.

Новые факты еще раз свидетельствуют о том, что Гоголь сам выбирал для себя круг общения — и отнюдь не был пассивным объектом различных влияний, но сам активно воздействовал на свое окружение и направлял его. Пример графа Толстого оказывается в этом отношении, пожалуй, наиболее показательным. От ученика в духовных вопросах до обер-прокурора Святейшего Синода — вот путь, который прошел граф Александр Петрович Толстой, благодаря знакомству с Гоголем.

С другой стороны, новые материалы позволяют еще раз подчеркнуть единство творческого пути и мирозерцания Гоголя — вопреки противоположным утверждениям на этот счет последователей В. Г. Белинского.

Несомненно, заслуги П. А. Кулиша как собирателя биографических свидетельств о Гоголе неоспоримы. С другой стороны, следует еще раз констатировать, что как биограф Гоголя Кулиш был личностью весьма противоречивой, и подчас то, что ему удавалось собрать о Гоголе, не включал, по своему произволу, в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...»¹⁸. Помимо прочего, это относится к двум фрагментам воспоминаний о Гоголе графа А. П. Толстого, записанных Кулишом, однако так им и не использованных, оставшихся в рукописи. Если при жизни графа А. П. Толстого Кулиш не мог назвать его имени в своей книге,

то, не называя источника информации, мог бы, по крайней мере, не скрывать от читателей самих этих свидетельств о Гоголе.

Первый фрагмент озаглавлен: «Мечты Гоголя»: «Об огромном храме, вокруг которого образуется город». Этот фрагмент помечен: «Рассказывал граф А. П. Толстой»¹⁹.

Второй фрагмент, погребенный в рукописях Кулиша, тоже немаловажен. Он апокалиптического содержания и прямо перекликается с текстом одной из известных предсмертных записок Гоголя. «Помилуй меня грешного, прости Господи! — писал Гоголь. — Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого Креста!»²⁰ Последняя фраза, по словам И. М. Андреева, «ясно свидетельствует, что Гоголь считал сатану “развязанным”, то есть полагал, что мы уже живем в апокалиптические времена»²¹.

Публикуемая запись Кулиша также сделана, по-видимому, со слов графа А. П. Толстого. Вспоминается в ней, судя по всему, утро 18 февраля 1852 г., за три дня до кончины писателя, когда над Гоголем был совершен чин соборования, во время которого он «выслушал все Евангелия в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы»²². Граф Толстой вспоминал: «Перед кончиною, после чтения Ев<ангелия>, Г<оголь> сказал: “Горе тем, кот<орые> теперь остаются жить! теперь наступят страшные бедствия и войны”»²³.

¹ Берлинер Г. О. Чернышевский и Гоголь // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. с. 521.

² Храпченко М. Б. Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя. М., 1984. С. 518

³ Впервые атрибутировано нами, на основании анализа гоголевских автографов, хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее — РГБ), в изд.: Гоголь Н. В. Собр. Соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 8. С. 10–21.

⁴ См.: Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). Париж, <1926>. С. 63; Зеньковский В., проф., прот. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>. С. 205.

⁵ Линтур П. В. Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века // Наукові записки Ужгородського державного університету. 1956. Т. 20. С. 140–141; Шультейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976. С. 205; Історія міст і сіл Української РСР. В 26 т. Закарпатська область. Київ, 1969. С. 700; Байцур Т. Закарпатоукраїнська інтелігенція в Росії в першій половині XIX століття. Братислава, 1971. С. 120; Чумак Т. М. Исторические реалии в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» // Вопросы русской литературы. 1983. Вып. 2 (42).

⁶ По словам исследователя, И. С. Орлай, «впервые открыв для русской науки и общественности подлинный лик карпатороссов <...> оказал непосредственное влияние на своего воспитанника <...> Н. В. Гоголя. Последний впервые в русской литературе заговорил о карпатороссах (“Страшная месть”) и с большим вдохновением и пониманием сущности рассказал о религиозно-национальной

борьбе западно-русских (“Тарас Бульба”). Кроме статей и, вероятно, воспоминаний о рассказах Орлая, у Гоголя и не могло быть материалов к познанию подъяремной Руси» (*Недзельский Е.* Очерк карпато-русской литературы. Ужгород, 1932. С. 112; см. также: *Жаркевич Н. М.* Нежинский период жизни Н. В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов. (К постановке проблемы) // *Наследие Н. В. Гоголя и современность.* Нежин, 1988. Ч.1. С. 8; *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // *Н. В. Гоголь и Православие.* М.: Отчий дом, 2004. С. 260–264.
⁷ *Виноградов И. А.* Гоголь и Уваров. Неизвестная страница биографии писателя // *Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения.* Сборник докладов. М., 2002. С. 189–202.

⁸ Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // *Литература в школе.* 1998. № 7. С. 5–22; *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы Н. В. Гоголя // *Неизданный Гоголь.* Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. С. 3–38.

⁹ *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Письма. М. 1993. Т. 7. С. 219.

¹⁰ *Машинский С.* Художественный мир Гоголя. М., 1971. С. 436.

¹¹ *Бельшева А. Н.* Тайна смерти Гоголя // *Нева.* 1967. № 3. С. 178. Ср. также: «Хотя А. Толстой имел сильное влияние на Гоголя, последний в своих письмах спорит с его "односторонними взглядами" ...» (*Манн Ю. В.* Примечания // *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В. 7 т. М., 1978. С. 518).

¹² *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 118.

¹³ Там же. С. 198.

¹⁴ *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр.1. Л. 55 об.; впервые опубли.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 514.

¹⁵ См.: <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 17, 22, 23. Сохранилось еще два письма графа А. П. Толстого к Гоголю: от 5 августа 1847 г. из Парижа (отрывок опубликован: *Воропаев В. А.* «Духом схимник сокрушенный...» // *Прометей.* Т. 16. М., 1990. С. 272–273); черновик другого письма, от конца января 1851 г. из Москвы, остался неопубликованным. Приводим его здесь по автографу: «Ответ Ваш, любезный Николай Васильевич, на прошлогоднее письмо мое из Петербурга получен был мною осенью в Лыскове. — По возвращении из Петербурга я ездил в Ржев, где погостил несколько дней, — потом в Лыскове, где прожил до начала зимы, — и вот уже близ двух месяце<в> в Москве один одинехонек. — Времени прошло много, а сказать Вам обо всем этом прошедшем нечего — что дальше, то быстрее течет, не оставляя ни малейшего воспоминания. — Настоящая же жизнь моя в Москве вам известна. — Разница с прошедшею зимою та только, что я совершенно один и что дни летят в совершенной тишине и безмолвии — а летят все так же быстро. — Уединение мое во весь день; иногда во всю неделю не нарушается никем, потому что наших многих в Москве нет. — Жена

усиливается, но до сих пор безуспешно, выехать из Лыскова; Бахметевы в Петербурге; брат Егор там же в ожидании назначения. — Остаются Урусовы и брат Влади<мир>, много проживающий <1 нрзб.> зиму в Уском. — Новых же неизвестных Вам фигур не вижу и потому остаюсь при двух чтецах. Один русской до обеда и француз после обеда. — Обедаю всегда дома и всегда один. — При такой жизни ни о чем не могу сообщить Вам что-нибудь для Вас любопытного. — О чтениях моих также нечего сообщать. Большею частью я читаю и перечитываю давным давно Вам известное, — такое, что всегда ново и всегда питает. Не хотелось бы посылать Вам письма без каких-нибудь вестей; но ничего не могу вспомнить, за исключен<ием> того, что на днях приехала сюда А. О. Смирнова с двумя дочерьми проездом в Петербург. — Я стараюсь видеть ее как можно чаще: она, слава Богу, в прекрасном и покойном духе и не жалуется на здоровье. — Из Мухановых Николай болен, а Владимир здоров. У них я встречаю иногда Хомяова и Б. Черкасова — оба они, кажется, здоровы и веселы» (РГБ. Ф. 302. К. 5. Ед. хр. 55. Л. 1–2).

¹⁶ РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1.

¹⁷ Сочинение о непогрешимости папской власти графа Ж.-М. де Местра «Папы», изданное в Лионе в 1819 г.

¹⁸ Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Н. В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сб. докл.* М., 2003. С. 42–51; *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003. С. 3–81.

¹⁹ РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 41. Л. 1.

²⁰ *Гоголь Н. В.* Собр. Соч.: В 9 т. Т. 6. С. 392.

²¹ *Андреев И. М.* Очерки по истории русской литературы XIX века. (Краткое конспективное изложение некоторых лекций, читанных в Свято-Троицкой Духовной семинарии), Сборник 1. Джорданвилл, 1968. С. 143.

²² *Погодин М. П.* Кончина Гоголя // *Москвитянин.* 1852. № 5. Отд. VII. С. 49.

²³ РГБ. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 56. Л. 2.